

УДК 94 (470.6)“18”

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.6>

Ю.Ю. Клычников

КАВКАЗ КАК «ШКОЛА ВОЙНЫ» ДЛЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ (К ОЦЕНКЕ ОПЫТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ)

Освоение Кавказа Россией не обошлось без применения вооружённых сил для борьбы с горскими народами. Они не желали подчиняться законам империи и развернули против неё войну, эффективно используя те преимущества, которые давала им природная среда региона. Для российских войск местная природно-климатическая обстановка была непривычна, что сказывалось на эффективности ведения боевых действий. Противник был хорошо приспособлен для борьбы в условиях войны в горной и горно-лесистой местности. Это потребовало значительного изменения как в тактике и стратегии ведения войны, так и в подготовке личного состава, его снаряжении. Приходилось больше внимания уделять обустройству и защите коммуникаций, что сделало одной из первоочередных задач командования. Войска были задействованы на строительстве дорог и рубке просек через труднопроходимые участки территории. Горцы мастерски применяли засады, вне-

запные нападения, умело использовали природные укрытия в качестве фортификационных сооружений. В сложившихся обстоятельствах происходила специализация отдельных полков для действий в конкретных ландшафтно-климатических условиях, что позволяло снизить потери во время боевых столкновений с неприятелем. Приходилось перенимать военный опыт своего противника, действуя зачастую так, как это делали сами горцы. Всё это позволило завершить затянувшееся противостояние и сломить сопротивление неприятеля.

Ключевые слова: армия, Северный Кавказ, сражения, походы, климат, горцы, крепости, болезни.

Для цитирования: Клычников Ю. Ю. Кавказ как «школа войны» для российской армии (к оценке опыта первой половины XIX столетия) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 57–64. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.6

Yurii Yu. Klychnikov

THE CAUCASUS AS A «SCHOOL OF WAR» FOR THE RUSSIAN ARMY (ON THE ASSESSMENT OF THE EXPERIENCE OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

The development of the Caucasus by Russia was not without the use of armed forces to fight the mountain peoples. They did not want to obey the laws of the empire and launched a war against it, effectively using the advantages that the natural environment of the region gave them. For the Russian troops, the local natural and climatic situation was unusual, which affected the effectiveness of the conduct of hostilities. The enemy was well adapted to fight in war conditions in mountainous and wooded areas. It required a significant change both in the tactics and strategy of warfare, and in the training of personnel and their equipment. More attention had to be paid to the arrangement and protection of communications, which became one of the priorities of the command. The troops were involved in the construction of roads and felling clearings through difficult areas of the territory. Highlanders skillfully used ambushes, surprise attacks,

skillfully used natural shelters as fortifications. Under the circumstances, individual regiments were specialized for operations in specific landscape and climatic conditions, which made it possible to reduce losses during combat clashes with the enemy. It was necessary to adopt the military experience of the opponent, often acting the way the highlanders themselves did. All this made it possible to end the prolonged confrontation and break the resistance of the enemy.

Key words: army, North Caucasus, battles, campaigns, climate, highlanders, fortresses, diseases

For citation: Klychnikov Yu. The Caucasus as a «school of war» for the Russian army (on the assessment of the experience of the first half of the 19th century) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 57–64. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.6

Кавказ имел для Российской империи важнейшее геополитическое значение. Ещё дореволюционные авторы вполне убедительно излагали роль региона в обеспечении безопасности южных рубежей государства. По словам Р.А. Фадеева, «положение кавказского перешейка придаёт этой стране господствующее, всемирное значение, политическое и торговое» [31, с. 115]. Автор в данном случае высказывал не только свои собствен-

ные суждения, но и официальную точку зрения, которая закрепилась в умах части правящей элиты. Отсюда и упорство, проявленное в борьбе за овладение этим регионом, потребовавшее значительных людских и материальных издержек.

Специфика боевых действий на Северном Кавказе в значительной степени была продиктована теми ландшафтно-климатическими особенностями, которые влияли на все стороны затянувшегося

здесь вооружённого противостояния. Они определили, как способы оборонительных операций, так и наступательные шаги соперников, непрестанно учившихся друг у друга наиболее удачным способам войны в условиях горной и горно-лесистой местности. Первое время нередко преимущество было на стороне горских обществ, для которых природа стала естественным союзником, позволявшим противостоять лучше вооружённым и более дисциплинированным оппонентам из лагеря царских войск. Всё это заставляет уделить внимание географии как важному «участнику» тех процессов, которые сами современники называли «славной школой войны». В ней приходилось учиться бросать вызов не только воле человека, но и безграничному могуществу «страны гор».

Как писал участник боёв на южном фронтире Н. Волконский, «в истории кавказских войн есть страницы, которые останавливают внимание читателя не на битвах наших войск с горцами, а на более серьёзных проявлениях мужества русского солдата – на борьбе человека с природою. Редко проходит экспедиция, в которой не пришлось бы кавказским войскам хоть один раз преодолеть, в полном смысле слова, неестественные преграды поставляемые природой. Тяжело с нею воевать!... И что значит в сравнении с этой неравной борьбой все стычки, дела и перестрелки с неприятелем? – Трын-трава!» [4]. В этой связи не кажется преувеличением вывод о том, что известный переход А.В. Суворова через Альпы, который вполне заслуженно относится к вершине его военного искусства, на Кавказе был частью повседневности, рутиной, уже никого не удивлявшей [17, с. 115].

В предгорьях можно было встретить густую растительность, которая лучше любых фортификационных сооружений затрудняла доступ к поселениям горцев и использовалась для засад в условиях «малой войны», как принято называть партизанские действия, характерные для местной тактики. Так, говоря о чеченцах, один из современников отмечал, что они уверенно чувствуют себя на «местности, где находятся леса и другие естественные преграды... <...> Они владеют всеми лесистыми ущельями Чёрных гор, имеющими значение крепостей, опираются на горные тущобы округов Аргунского и Ичкеринского и через них входят в непосредственную связь с Дагестанским. Здесь находят безопасное убежище их абреки...» [3, с. 413].

Отмечается, что впечатления от преодоления этих препятствий можно встретить в большинстве мемуарных работ участников борьбы за Кавказ [17, с. 109]. Нашли они отражение и в художественных, автобиографических по своей сути литературных произведениях, в частности, «Рубке леса» Л.Н. Толстого [29, с. 40–74].

В отличие от Чечни, на значительной части Дагестана лес был величайшей ценностью. Трудно-разрешимой задачей становилось обеспечение войск топливом. Местные жители использовали для своих нужд «преимущественно кизяк и хворост» [25, с. 150]. Но последний ценился невероятно дорого, и гарнизонам горных укреплений приходилось закупать его по высоким ценам, отдавая за кубическую сажень до 60 рублей серебром [25, с. 150].

Не менее разнообразны ландшафты были и в равнинной части края. Степи, лесостепи, полынные пустыни соседствовали друг с другом, что оказывало влияние на особенности хозяйственного уклада проживавших здесь людей. Нередко засухи и суховеи губили насаждения, а о создании искусственной ирригационной системы не могло идти и речи, т.к. перманентная военно-политическая напряжённость не позволяла акцентировать внимание на этой затратной работе. Часто происходили пылевые бури, которые остановить можно было лишь массовой посадкой заграждений из деревьев и кустарников, что также оказалось трудноосуществимой задачей.

Недаром путники, которые приближались к горам Кавказа после долгого, изматывающего пути по степям, испытывали «впечатление сильное, не поддающееся выражению» [21, с. 32]. Такая эйфория длилась до тех пор, пока путешественник не сталкивался с местными реалиями, далёкими от их первоначального романтического восприятия, и тогда «внезапно проглянет гигантский хребет угрюмого, почти страшного вида... угрожающий обвалами и лавинами...» [21, с. 33].

Реки в горах, с их бурным течением, становились опасной преградой для путешественника. Контролируя мосты, переброшенные от одного берега к другому в наиболее узких местах, можно было небольшими силами остановить продвижение многократно превосходящих сил неприятеля. Наполненное скрупулёзными описаниями произведения А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» среди прочего содержало и упоминание о местных реалиях, связанных с угрозой для проезжающего пасть жертвой меткого выстрела укрывшегося за надёжной преградой горца [23, с. 378].

Неудивительно, что долгое время передвижение не только в горах, но и по значительной части равнины сопровождалось охраной из солдат и казаков, т.н. «оказией» [24, с. 102]. Без неё можно было легко повторить судьбу персонажа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник», осмелившегося самостоятельно добраться до пункта назначения, но оказавшегося в неволе. И таких случаев были сотни. Да и наличие боевого сопровождения не могло считаться надёжной гарантией от превратности опасной дороги. Горцы и кочевники, даже в глубоком тылу, могли разгромить охрану, чему были неоднократные при-

меры из северокавказской повседневности [15, с. 164–177]. Отметим, что поэт путешествовал по наиболее разработанной в инженерном отношении Военно-Грузинской дороге, которой традиционно уделялось много внимания. Её возведение потребовало значительных усилий. Одних только мостов через Терек было возведено двадцать семь. И это не считая завалов и скальных нагромождений, которые приходилось взрывать порохом, прежде чем приступить к расчистке с помощью кирок и лопат. Только в 1796 г. на эти нужды его было выделено сто пудов [10, с. 37]. Во время строительства дорог в горах нередко были несчастные случаи при взрывных работах, высокая смертность от тяжёлых условий труда и т. п. [7, л. 59].

Но и в дальнейшем уже готовые коммуникации не раз уничтожались свирепой стихией. В 1808, 1817, 1832 гг. случались обвалы снега, камней и льда, которые перекрывали проход, надолго лишая возможности поддерживать регулярные связи с Закавказьем [17, с. 116]. Строительство новых дорог нередко откладывалось, т.к. выделяемые для этого средства приходилось тратить на ремонт и поддержание в рабочем состоянии уже имеющихся коммуникаций [9, л. 13–13 об., 21–21 об.].

Обычно царское командование старалось переложить ответственность за строительство и поддержание мостов, переправ, дорог в рабочем состоянии на местные общества. Это было одной из их обязанностей, наряду с предоставлением гужевого транспорта, продовольствия и фуража для нужд армейских команд. Но на практике эти поручения зачастую не выполнялись, а уже имеющиеся сооружения разрушались и разворовывались. Как делился с читателями известный офицер-разведчик Ф. Ф. Торнау, лишь только войска покидали селение, его жители старались разобрать для собственных нужд доски, верёвки и железные части конструкции. Борьба с этой практикой было задачей бесперспективной [28, с. 19].

Привлечение гражданских специалистов из числа русских мастеровых не практиковалось не только в силу военной опасности, но и из-за удорожания работ. Командование признавало, что «приходилось бы отсрочить на неопределённое время работы и в том числе самые важнейшие», если ими не будет заниматься армия [8, л. 11 об.]. Это тоже было особенностью местных реалий, присущих южному пограничью. Переложить вспомогательную работу на некомбатантов, как делалось в европейских войнах, здесь было затруднительно.

Каждое форсирование водной преграды становилось сложнейшей в инженерном обеспечении операцией, даже если противник и не препятствовал такой работе [32, с. 189–190]. Местные дороги в большинстве своём могли считаться таковыми условно. Как писал Д. Романовский о

внутреннем Дагестане, «жители, за исключением аварцев, большей частью не употребляют повозок, тяжести же перевозятся на вьюках, и преимущественно на ослах...» [25, с. 151]. Перебросить по ним артиллерию было невозможно, а потому горные аулы становились почти неприступными для вооружённой лишь ружьями пехоты, тем более что коммуникации могли быть атакованы и рассечены в самых различных местах. В воспоминаниях участника похода к аулу Дарго А.-В. фон Мерклина содержалось описание серьёзных потерь, которые понёс их отряд на одной из горных дорог [6, с. 520–521]. Примечательно, что молодому офицеру казалось, «будто дикая сама по себе природа приняла участие в диких страстях здесь человека» [6, с. 525].

Трансформация пейзажа станет одной из главных задач российской армии в регионе. Иных способов преодоления труднопроходимого пространства, кроме как освобождение его от растительности, не существовало. Штык и картечь отходили на второй план, уступая место топору, кирке и пиле. Начало этой практики связывают с именем генерала А. П. Ермолова, который положил в основу своих замыслов по покорению Кавказа принцип постепенности [13, с. 12–22]. Но наибольшего масштаба эта работа достигла в годы наместничества М. С. Воронцова, который поставил её на «систематическую основу» [16, с. 78].

Если задумывалась экспедиция в горы Дагестана, то оптимальным её началом был июнь. Тогда появлялся корм для лошадей, и можно было минимизировать зависимость от подвоза фуража. Завершить экспедицию следовало не позднее сентября-октября, в противном случае существовала реальная угроза погибнуть от холода и недостатка продовольствия. Действовать крупными отрядами было сложно, т.к. даже пять-шесть батальонов, вынужденных перевозить всё самое необходимое в тюках, растягивались по дороге «на несколько вёрст» [25, с. 156]. В Чечню предпочитали совершать поход зимой, т.к. отсутствие растительности мешало горцам действовать из засад.

На равнине «затруднения для движения» представляли болота [25, с. 15]. Особенно это было характерно для западных районов края, где серьёзную угрозу представляла малярия, приводившая к болезням и высокой смертности как среди военнослужащих и гражданских поселян. Речь шла не только о землях Прикубанья. Высокой смертностью отличались и гарнизоны крепостей, возведённых на Черноморском побережье в 30-е годы XIX в. От климата здесь погибло куда больше людей, нежели от пуль и кинжалов горцев, которые старались держать их в плотной осаде [25, с. 77].

Если привычные и хорошо разбиравшиеся в особенностях местности черкесы предпочитали избегать заболоченных низменностей, российское командование первое время игнорировало

эти природные факторы, исходя исключительно из соображений военной целесообразности. Отсюда потери, достигавшие в среднем до 16 % от общего числа военнослужащих и гражданских лиц, а в иные годы эти показатели были ещё выше. Среди наиболее частых болезней называли малярию, холеру, цингу, тиф и чуму [1, с. 170]. Для сравнения: боевые потери, в которые включаются умершие от ран, за период с 1815 по 1864 г. оцениваются в 29 тыс. человек. В то время как от болезней умерло примерно 102 тыс. человек. Удивляться такому соотношению не приходится, тем более что уровень санитарного состояния полков оставлял желать лучшего. Вместо врачей зачастую их обязанности выполняли цирюльники, а единственным доступным лекарством у них был дёготь [30, с. 295].

Любопытен взгляд профессионального медика на местные проблемы. Н. И. Пирогов особенно выделял неумеренность солдат к употреблению неспелых фруктов, что становилось причиной кишечного-желудочных заболеваний [22, с. 2]. Проблема несбалансированного питания (в частности, дефицит злаковых продуктов) приводила к болезням, а решить её так и не удалось в течение всего периода борьбы за обладание краем [17, с. 119]. Приобрести необходимое у горцев получалось далеко не всегда. Они и сами испытывали трудности с зерном [20, с. 44]. Предоставление продовольствия и фуража для русских могло поставить их на грань выживания [27, с. 90].

Говоря о болезнях, которые выкашивали ряды Отдельного Кавказского корпуса, не следует думать, что массовые заболевания не затрагивали и автохтонное население. Известно немало случаев, когда эпидемии приводили к массовой смертности среди горцев, а российское командование даже подвергало войска, участвовавшие в экспедициях на территорию «немирных» племён, карантинному очищению [14, с. 34–43]. Если поступала информация о наличии холеры или «моровой язвы», как называли чуму, военные планы отменялись, и войска не покидали линию. Так, в августе 1830 г. барон Розен вынужден был свернуть все приготовления против Гази-Мухаммеда, т. к. «убедился, что при таких обстоятельствах никакие военные действия невозможны и отложил их до другого времени» [5]. И в дальнейшем его главной заботой было «по возможности оградить войска от этого бича» [5].

Подстроиться к такому ситуационно-эпидемиологическому многообразию было сложно. В одном только «Дагестане можно найти образчики всевозможных климатов, и притом в самом коротком расстоянии. Так, например, на том месте, где было наше Низовое укрепление, в продолжение лета свирепствовали желчные лихорадки, а три версты к востоку, на месте Петровского укрепления, климат весьма здоровый и отправля-

емые туда больные поправлялись весьма скоро» [11, с. 37]. В течение одного перехода можно было сменить приятную прохладу на изнуряющий зной, участки с цветущими деревьями – на пространство, покрытое снегом, где сильные порывы ветра легко могли привести к обморожению и т. п.

Заросли камыша на берегах равнинных рек нередко становились местом засад, где беспечность могла быть жестоко наказана неприятелем. При столкновениях противники старались оттеснить друг друга в болото, и это приводило к серьёзным потерям у проигравшей стороны. Так случилось в знаменитом Калаусском сражении, считавшемся одним из наиболее ярких примеров ликвидации прорвавшейся через кордонную линию мобильной группы всадников-набежчиков.

Непостоянство и изменчивость погоды в условиях Северного Кавказа объяснялись близостью сразу нескольких морей и наличием высоких гор, что приводило к сложным трансформациям в движении воздушных масс. Они сменяли друг друга, сталкивались, чтобы вызвать бурю, ливень, град, провоцируя обвалы и формируя селевые потоки. Последние сметали всё на своём пути, уничтожая среди прочего и без того слабо развитую транспортную инфраструктуру. Проезжая по краю, можно было по очереди побывать в самых различных климатических зонах, начиная от сухого континентального климата и заканчивая влажными субтропиками. Количество выпавших осадков зависело от высотной зональности – чем выше в горы, тем их было больше. То же относилось и к интенсивности солнечного излучения.

Обратимся к словам человека, произведенными которого зачитывалась вся Россия и чьими глазами многие смотрели на происходившие на Кавказе события. Речь идёт о декабристе и литераторе А. А. Бестужева-Марлинском. Он так описывал тяготы солдатской службы, попав под ливень, захлестнувший их лагерь: «Дождь ливнем; над головой облака, словно грецкая губка, а под нами земля будто растаяла... ещё хуже: она превратилась в грязь, в эту пятую стихию... Палатки наши плавают, как стада чаек по болоту. Журавли перекликаются ночью с часовыми; лягушки квакают кругом. Холод, сырость, слякоть! Дрова не горят, огонь не греет...» [2, с. 109–110].

Серьёзным испытанием были резкие температурные колебания, которые могли происходить в течение суток. Изнурительная жара днём сменялась сильным холодом в ночное время. Это заставляло весьма внимательно относиться к одежде и обуви, пренебрежение которыми могло привести к куда большим потерям, нежели неприятельские пули и клинки. Для непривычного к таким вызовам новичка всё заканчивалось болезнью, а то и летальным исходом. Отсюда и осознание необходимости перенимать у горцев их многовековой опыт выживания, культ бурки

и черкески «настоящего кавказца», казавшихся далёким от этих мест людям непонятной «азиатчиной» [118, с. 590, 592]. Такая модель поведения была не случайна, а вызвана жизненной необходимостью и рациональностью военной повседневности, которая заставляла отказываться от показной эффектности в пользу неброской эффектности.

Подстроиться под особенности микроклимата в каждом природно-географическом ареале было невероятно сложно. Если приходилось перебрасывать части с одного места на другое, это заканчивалось неоправданными потерями, т. к., приспособившись к одним особенностям климата, солдаты и офицеры оказывались непривычны к новым обстоятельствам. Отсюда и желание не использовать полки, сражавшиеся в горно-лесистой местности Чечни или Закубанья, для решения задач в Дагестане. Последний считался наиболее трудным для адаптации, т. к. серые скалы и отсутствие привычной растительности угнетающе действовали на психику солдат.

Не преувеличивая роль природного фактора и не сводя проблему к географическому детерминизму, мы тем не менее должны учитывать его влияние как на специфику северокавказского театра военных действий, так и на особенности менталитета горских обществ. Как писал цитируемый выше С. Меч, «такая природа или закалит в несокрушимую сталь всё существо человека, или раздавит его» [21, с. 67–68]. К схожим выводам приходят и современные исследователи, связывающие достаточно высокую конфликтность местных сообществ с хроническим дефицитом материальных ресурсов, обусловленных ландшафтно-климатическим своеобразием региона [19, с. 10]. И здесь уместно процитировать видного военного теоретика К. Клаузевица, отметившего, что «...в национальных войнах, – где если нет превосходства в искусстве и храбрости, то, по крайней мере, воинственный дух отдельных бойцов обычно сильно приподнят, – народное ополчение при большом раздроблении сил и на сильно пересечённой местности может показать своё превосходство и сохранить его на продолжительное время...» [12, с. 437].

Даже сбор сведений о крае превратился в итоге в сложнейшую задачу. Офицеры-разведчики, выдавая себя за горцев, проникали вглубь враждебных территорий, пытаясь узнать о наличии дорог и мостов в крае, о специфике хозяйственного уклада местных обществ, чтобы понять, насколько упорно они могут противостоять блокаде, устроенной им со стороны царского командова-

ния [33, с. 302–307]. Но понадобилось не одно десятилетие, прежде чем такая информация сделалась доступной и Кавказ перестал быть «землёй неведомой». Пока этого не произошло, приходилось действовать фактически «вслепую».

Любопытно, что ситуацию на Кавказе пытались сравнить с французской политикой в Алжире. Учитывалось абсолютно всё, в том числе успехи и неудачи в административном обустройстве края, оплату труда чиновников и т.п. [26, л. 95–95 об. и др.]. Но особое внимание военные уделяли тем природным трудностям и воинственности населения, с которыми пришлось столкнуться Парижу. Общие выводы были не в пользу Франции. Борьба за эти африканские земли была сложна, но она не могла сравниться с задачами, которые ставила и решала Россия на Кавказе, ибо «в нашей Алжирии всё, и природа, и люди, далеко переросли размеры французской» [31, с. 128].

Подводя итоги, констатируем следующее. Затянувшееся вооружённое противостояние, в котором приняли участие многие общества Северного Кавказа, в немалой степени объяснялось спецификой местного театра военных действий. Сложный рельеф, наличие речных преград, густые леса, температурные и климатические колебания и т. п. сложности стали серьёзным вызовом для имперской военной организации. Привычные способы ведения боевых действий оказались непригодными и заканчивались лишь серьёзными потерями. Реализовать на Кавказе своё огневое преимущество над противником в большинстве случаев не удавалось.

Сформировавшееся в соответствии с местными потребностями воинское искусство горцев было хорошо приспособлено к местным реалиям. Навязав противнику партизанскую войну, те с максимальной эффективностью использовали опыт, полученный в результате многовековой набеговой практики. И наступательные, и оборонительные действия мобильных горских отрядов были прекрасно вписаны в местную географическую среду. Чтобы успешно противостоять им, нужно было действовать не хуже, чем противник, а потому за десятилетия вооружённого конфликта российская армия в значительной степени переняла у горских народов самые разные стороны их воинских навыков и быт – от одежды и обуви до выбора места и обустройства военных лагерей. Изменилась индивидуальная подготовка солдат и офицеров Кавказской армии, появились генералы, специализирующиеся на войне в специфических условиях этого края.

Список источников и литературы

1. Барретт Т. М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет: Антология. Т.2: Императорский период. Самара: СГУ, 2000. С. 163-194.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. / Издание подготовила Ф.З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. 704 с.

3. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 1094 с.
4. Волконский Н. Движение Чеченского отряда на гору Даргин-Дук, 28 февраля 1858 год. (Из записок кавказского офицера) // Кавказ. 1860. № 59.
5. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. 1888. Т. XII. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text12.htm (дата обращения 4.10.2020).
6. Воспоминания генерал-майора августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 г. // «Даргинская трагедия. 1845 год». Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Составление текстов Г. Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б. П. Миловидова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 520-532.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.250. Оп.1. Д.656.
8. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.569.
9. ГАКК. Ф.444. Оп.1. Д.1983.
10. Дубровин Н. Георгий XII последний царь Грузии и присоединение её к России. СПб.: Типография Департамента уделов, 1867. 243 с.
11. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.I. Очерки Кавказа и народов его населяющих. СПб.: Типография Департамента уделов, 1871. 640 с.
12. Клаузевиц К. О войне: М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. 448 с.
13. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). / под ред. и с послесловием В. Б. Виноградова. Эссенуки: б.и., 1999. 135 с.
14. Клычников Ю. Ю., Виноградов П. Б. Военно-санитарная деятельность А. П. Ермолова на Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Армавир. 1997. Вып.2. С. 34–43.
15. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б. В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
16. Лазарян С. С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 323 с.
17. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.
18. Лермонтов М. Ю. Кавказец // Сочинения в двух томах. Том второй. / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. С. 590–593.
19. Магомедсалихов Х. Б. Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана (XIX – 30-е гг. XX в.): автореф. дисс. док. ист. наук. Махачкала, 2010. 50 с.
20. Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М.: ИГПИ, 2010. 480 с.
21. Меч С. Кавказ. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1905. 128 с.
22. Пирогов Н. Отчёт о путешествии по Кавказу содержащий полную статистику ампутаций, статистику операций произведённых на поле сражения и в различных госпиталях России с помощью анестезирования, опыты и наблюдения над огнестрельными ранами и проч. СПб.: тип. Э. Праца, 1849. 322 с.
23. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. М.: Худож. лит., 1987. С. 370–410.
24. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / Под ред. Н. Н. Великой. Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2011. 248 с.
25. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, прочитанные в Пассаже в 1860 году Генерального штаба полковником Романовским. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 279 с.
26. Российский государственный исторический архив. Ф.1268. Оп.1. Д.765.
27. Суций С. Я. Демография кавказской войны: к вопросу о потерях и количественной динамике горских сообществ Северного Кавказа // Войны и вооружённые конфликты на юге России в социально-демографической и историко-антропологической ретроспективе. Материалы круглого стола (г. Ростов-на-Дону, 26 сентября 2017 г.) / отв. ред. Е. Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 88–103.
28. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. Т.53. Сентябрь. С. 5–79.
29. Толстой Л. Н. Рубка леса. Рассказ юнкера (1852–1854 гг.) // Полное собрание сочинений. / Под редакцией В. Г. Черткова. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1935. Т.3. С. 40–74.
30. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 565 с.
31. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
32. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1909. 212 с.
33. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1914. 182 с.

References

1. Barrett T. M. Linii neopredelyonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii (Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasian Frontier) // Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya. Samara, 2000. Vol.2: Imperatorskij period. P. 163-194. (In Russian).
2. Bestuzhev-Marlinskij A. A. Kavkazskie povesti (Caucasian stories). St.Petersburg: Nauka, 1995. 704 p. (In Russian).

3. Vajnahi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) (Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR). Moscow: ROSSPEN; Fond «Eltsin Presidential Center», 2011. 1094 s. (In Russian).
4. Volkonskij N. Dvizhenie Chechenskogo otryada na goru Dargin-Duk, 28 fevralya 1858 god (The movement of the Chechen detachment to Mount Dargin-Duk, February 28, 1858). (Iz zapisok kavkazskogo oficera) // Kavkaz. 1860. No. 59. (In Russian).
5. Volkonskij N. A. Vojna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom (War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 in connection with Muridism) // Kavkazskij sbornik. 1888. Vol. XII. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text12.htm (Accessed: 4.10.2020). (In Russian).
6. Vospominaniya general-majora avgusta-Vil'gel'ma fon Merklina o Darginsoj ekspedicii 1845 g. (Memoirs of Major General August-Wilhelm von Merklin about the Dargin expedition of 1845) // «Dargin'skaya tragediya. 1845 god». Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka. St.Petersburg: Zvezda, 2001. P. 520–532. (In Russian).
7. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F.250. Inv.1. D.656.
8. GAKK. F.261. Inv.1. D.569.
9. GAKK. F.444. Inv.1. D.1983.
10. Dubrovin N. Georgij XII poslednij car' Gruzii i prisoedinenie eyo k Rossii (George XII the last king of Georgia and its accession to Russia). St.Petersburg, 1867. 243 p. (In Russian).
11. Dubrovin N. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze. T. I. Oчерки Kavkaza i narodov ego naselyayushchih (History of war and domination of Russians in the Caucasus. T. I. Essays on the Caucasus and the peoples inhabiting it). St.Petersburg, 1871. 640 p. (In Russian).
12. Klauzevic K. O vojne (About war). Moscow: Nauka, Logos, 1994. 448 p. (In Russian).
13. Klychnikov Yu. Yu. Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (Activities of A. P. Yermolov in the North Caucasus) (1816–1827). / ed by V.B. Vinogradov. Essentuki, 1999. 135 p. (In Russian).
14. Klychnikov Yu. Yu., Vinogradov P. B. Voenno-sanitarnaya deyatel'nost' A. P. Ermolova na Kavkaze (Military-sanitary activity of A.P. Ermolova in the Caucasus) // Voprosy severokavkazskoj istorii. 1997. Issue.2. P. 34–43. (In Russian).
15. Klychnikov Yu. Yu., Cybul'nikova A.A. «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie oчерki) ("So the laws are oppressing violent liberty ...": the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus) / ed by B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA KMV, 2011. 256 p. (In Russian).
16. Lazaryan S. S. Voenno-politicheskaya i administrativno-pravovaya deyatel'nost' knyazyza M.S. Voroncova v Kavkazskom krae (The military-political and administrative-legal activities of Prince M. S. Vorontsov in the Caucasus region). 1845–1854 gg. Pyatigorsk: PSLU publ., 2012. 323 p. (In Russian).
17. Lapin V. V. Armiya Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv. (The Russian army in the Caucasian war of the XVIII – XIX centuries). St.Petersburg: Evropejskij dom, 2008. 400 ps. (In Russian).
18. Lermontov M. Yu. Kavkazec (Caucasian) // Sochineniya v dvuh tomah. Vol. II. Moscow: Pravda, 1990. P. 590–593. (In Russian).
19. Magomedsalihov H. B. Konflikty v obshchestvennyh otnosheniyah gorcev Dagestana (Conflicts in public relations of the highlanders of Dagestan) (XIX – 30-e gg. HKH v.): abstract of thesis. Mahachkala, 2010. 50 p. (In Russian).
20. Maksudov S. Chechency i russkie. Pobedy, porazheniya, poteri (Chechens and Russians. Victories, defeats, losses). Moscow: IGPI, 2010. 480 p. (In Russian).
21. Mech S. Kavkaz (Caucasus). Moscow, 1905. 128 p. (In Russian).
22. Pirogov N. Otchyt o puteshestvii po Kavkazu sodержashchij polnuyu statistiku amputacij, statistiku operacij proizvedyonyh na pole srazheniya i v razlichnyh gosptalyah Rossii s pomoshch'yu anestezirovaniya, opyty i nablyudeniya nad ognestrel'nymi ranami i proch (A travel report in the Caucasus containing complete statistics of amputations, statistics of operations performed on the battlefield and in various hospitals in Russia with the help of anesthesia, experiments and observations on gunshot wounds, etc.). St. Petersburg, 1849. 322 p. (In Russian).
23. Pushkin A. S. Puteshestvie v Arzrum vo vremya pohoda 1829 goda (Journey to Arzrum during the campaign of 1829) // Sochineniya. In 3 Vols. Vol 3. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1987. P. 370–410. (In Russian).
24. Pylkov O. S. Rossijskaya armiya v transformacionnyh processah na Severnom Kavkaze (konec XVIII –pervaya polovina XIX vv.) (The Russian Army in the Transformation Processes in the North Caucasus (the end of the 18th – the first half of the 19th centuries) / ed by N. N. Velikaya. Armavir: SHurygin's publishing house, 2011. 248 p. (In Russian).
25. Romanovskij D. Kavkaz i Kavkazskaya vojna: Publichnye lekcii, pročitannye v Passazhe v 1860 godu General'nogo shtaba polkovnikom Romanovskim (The Caucasus and the Caucasian War: Public Lectures Delivered in the Passage in 1860 of the General Staff by Colonel Romanovsky). Moscow: 2004. 279 p. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive. F.1268. Inv.1. D.765.
27. Sushchij S. YA. Demografiya kavkazskoj vojny: k voprosu o poteryah i kolichestvennoj dinamike gorskih soobshchestv Severnogo Kavkaza (Demography of the Caucasian war: on the issue of losses and quantitative dynamics of the mountain communities of the North Caucasus) // Vojny i vooruzhyonnye konflikty na yuge Rossii v social'no-demograficheskoi istoriko-antropologicheskoi retrospektive. Materialy kruglogo stola (g. Rostov-na-Donu, 26 sentyabrya 2017 g.) / ed by E.F. Krinko. Rostov-on-Don: YUNC of RAS, 2017. P. 88–103. (In Russian).
28. Tornau F. F. Vospominaniya kavkazskogo oficera (Memoirs of a Caucasian officer) // Russkij vestnik. 1864. Vol.53. September. P. 5–79. (In Russian).
29. Tolstoj L. N. Rubka lesa. Rasskaz yunkera (Forest felling. Junker's story) (1852–1854 gg.) // Polnoe sobranie sochinenij. / ed by V.G. Chertkov. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1935. Vol.3. P. 40–74. (In Russian).
30. Urtanis B. C. Vojny i narodonaselenie Evropy. Lyudskie poteri vooruzhyonnyh sil evropejskih stran v vojnah XVII–XX vv. (Wars and the population of Europe. Human losses of the armed forces of European countries in the wars of the XVII–XX centuries) (Istoriko-statisticheskoe issledovanie). Moscow: Social'no-ekonomicheskaya literatura, 1960. 565 p. (In Russian).

31. Fadeev R. A. Kavkazskaya vojna (Caucasian war). Moscow.: Eksmo, 2003. 640 p. (In Russian).
32. Esadze S. SHturm Guniba i plenie SHamilya. Istoricheskij ocherk Kavkazsko-gorskoj vojny v CHEchne i Dagestane (The assault on Gunib and the capture of Shamil. Historical sketch of the Caucasian-Mountain War in Chechnya and Dagestan). Tiflis, 1909. 212 p. (In Russian).
33. Esadze S. Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoj vojny: istoricheskij ocherk Kavkazsko-gorskoj vojny v Zakubanskom krae i CHernomorskom poberezh'e (The Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War: A Historical Sketch of the Caucasian-Mountain War in the Trans-Kuban Territory and the Black Sea Coast). Moscow: 2004. 120 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета; e-mail: klichnikov@mail.ru

Information about the author

Klychnikov Yurii Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Historic, Social and Philosophic Subjects, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: klichnikov@mail.ru